

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Вадим РОЗИН

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития. Институт философии Российской академии наук. 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: rozinvm@gmail.com

ПАМЯТЬ: ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В статье обсуждаются причины современного интереса к антропологии. Утверждается, что антропологи-исследователи должны осмысливать используемые ими представления о человеке и реализовать метод «анализа распределенного целого». Он предполагает не только выделение сторон изучаемого целого, но и смену и переосмысление оснований описания этих сторон. Выдвигается предположение, что понять природу памяти можно в рамках авторского учения о личности и психических реальностях. Кратко излагаются основные положения этого учения. На основе анализа нескольких кейсов автор показывает, что запоминаются такие события, которые или необходимы для построения разных реальностей, или входят в сценарий жизни личности. Феномен памяти рассматривается в статье не только в естественной модальности, но и искусственно-естественной. Автор утверждает, что за счёт семиотических и психотехнических изобретений память не только приобрела новые возможности, но и в определённой мере освободилась от антропологических ограничений, например стало возможным запоминать и вспоминать события, не входящие в сценарий жизни. В заключении обсуждается такая тема.

Ключевые слова: философская антропология, человек, память, личность, реальности, запоминание, забывание, психотехника, мир, сновидения

В настоящее время накоплено много исследований, заставляющих пересматривать представление о человеке (некоторые из них рассмотрены в работе П.С. Гуревича «Философская антропология» [3]). Это одно из обстоятельств, сделавших антропологическую проблематику столь актуальной. Второе, вероятно, связано с тем, что мы, судя по всему, находимся в ситуации перехода от одной цивилизации к другой. Старая культура уходит, понятны её недостатки, а, как говорит С.С. Неретина, «новая ещё не опознана» [6]. В периоды смены цивилизаций и человек претерпевает метаморфозы. Эти два обстоятельства, по меньшей мере, заставляют пересматривать антропологическую проблематику и усиливают интерес к самой антропологии. Выходит много работ по антропологии, и даже старые исследования, которые раньше не назывались антропологическими, сегодня начинают трактоваться в этом ключе. К сожалению, налицо и много исследований, позиционирующих себя как антропологические, которые на самом деле не могут считаться антропологическими; тут, конечно, сказалось влияние моды на определённые научные темы.

В связи с этим нужно специально обсуждать, что такое антропологический подход, в чем его специфика? На первый взгляд, кажется, что это те вещи, которые раньше обсуждались в рамках каких-то других научных дисциплин, например в социологии, психологии, теперь же они начинают рассматриваться с точки зрения человека. Но тут сразу же возникает вопрос, что значит «с точки зрения человека». Видно, что исследователи, принадлежащие отдельным направлениям мысли, по-разному понимают, что такое человек. Часто вообще это понимание чисто интуитивное, нерелексивное. Редко можно встретить антрополога, который бы обсуждал, какую позицию он занимает по отношению к человеку, каков его антропологический концепт или идеал.

Здесь, конечно, мы сталкиваемся с проблемой, с герменевтическим кругом. Предположим, мы ставим во главу угла, например, личность или какое-то другое представление о человеке. Означает ли это, что мы можем брать личность как просто существующее, известное нам? Нет. Необходимо вести двойной анализ: и того феномена, который мы берем с точки зрения человека, и самого человека. Во всяком случае, ваш покорный слуга именно так и делает, реализуя подход, который он называет «анализом распределённого целого». В соответствии с последним все стороны, которые анализируешь, должны уточняться в ходе исследования, все они должны подвергаться взаимному переосмыслению. Другое дело, что нужна фокусировка. Например, я фокусируюсь, предположим, на изучении античной науки и беру античную личность как условие её становления. Но потом я возвращаюсь к личности, беру её как предмет исследования, а вот науку уже рассматриваю как условие становления личности. Принцип распределённого целого требует фокусировки разных сторон изучаемого сложного явления (человек,

наука, мышление и т. д. – это все своего рода «эпистемические фокусы»). Причём для разных задач количество этих сторон (фокусов) и сами стороны разные.

Естественно, при этом возникает вопрос, сколько таких сторон необходимо выделить, или, в другой постановке, это *вопрос о целом*. Опыт показывает, что целое нащупывается в исследовании. Однако есть ряд принципов, помогающих формировать это целое, например один из исходных – *проблематизация*. Если исследование начинается с постановки проблем, то эта работа задаёт определённый аспект целого. Далее, есть реализуемые исследователем методы исследования, например культурно-историческая реконструкция и другие. То есть можно указать несколько горизонтов: метод, проблематизация, коммуникация (то есть как реагируют на твои построения; например, я обязательно обсуждаю в какой-то аудитории свои исследования, смотрю, что понятно, а что нет, стараюсь учесть реакцию и пр.). Другими словами, есть несколько таких «эпистемологических горизонтов», которые задают целое. Но они его задают не заранее – до, а как интенции, горизонты. А дальше, когда исследователь разворачивает свою работу, это целое у него проявляется. Он его конструирует, но оно проявляется в пространстве, заданном указанными интенциями. Вот примерно такую стратегию я реализую в своих антропологических исследованиях. Дальше я предложу антропологический анализ исходной и одной из первых способностей человека – памяти – с точки зрения такой концептуализации человека, как *деятельность, личность и психические реальности* (будет продемонстрирован только первый цикл исследования с тремя закреплёнными указанными сторонами).

Поясню, как я вышел на феномены личности и реальности (деятельность в данном исследовании я рассматриваю в рамках традиции Московского методологического кружка [24]). Понятие личности мне пришлось ввести при изучении античной культуры, поскольку, объясняя, каким образом личность сложилась, я предположил, что на сцену истории выходит человек, начинающий действовать самостоятельно, пытающийся выстраивать свою жизнь. Такой тип человека в философской литературе, начиная с И. Канта, характеризуется именно как личность. Развивая дальше это понятие, я показывал, что становящаяся в античной культуре личность вынуждена была выстраивать для себя мир, отличный от общепринятого, а также конституировать себя в этом мире. Наконец, рассматривая дальнейшие этапы становления личности, я пришёл к выводу, что, начиная с работ Платона и особенно св. Августина, вводится представление о жизненном пути личности, который во многом понимается в искусственной модальности, т. е. свою жизнь личность в значительной степени выстраивает сама (или думает, что только сама). Получается, что понятие личности приходится вводить для объяснения самостоятельного поведения, расходящегося с об-

щепринятым, и, так сказать, «жизнестроительства» как необходимого условия жизни такого человека. Здесь, таким образом, мы выходим на масштаб целой жизни человека, а также его деятельности, направленной на конституирование этой жизни, т. е. активности, сомасштабной этому целому [11; 15].

Совершенно по другой линии изучения мне пришлось ввести понятия реальности и психической реальности. Глядя назад, думаю, что, пытаясь понять поведение современного человека, я реализовал социально-психологический и культурно-психологический подходы. В рамках этих подходов получалось, что мы включены в различные практики (медицинские, нормативные, адаптивные, реабилитационные, духовные и др.), которые, во-первых, позволили выделить более мелкие, чем жизнь человека, целые (поведение, деятельность, переживание, смена состояний и т. п.), во-вторых, совершенно изменили их ценность (они стали восприниматься как весьма значимые), в-третьих, поставили в центр внимания разные формы (способы) существования и поведения человека (стало понятно, что последний, как правило, не теряя идентичности, меняет эти формы, а каждая из них образует относительно самостоятельный и законченный фрагмент жизни). Понятия реальности и психической реальности и призваны были схватить эти три момента. Реальности задавались как разные (реальности бодрствования, сновидения, игры, трудовой деятельности, общения и др.); предполагался переход от одних к другим и соответствующие смены логики и состояний психики; существование в реальности понималось как проживание ее событий и реализация установок человека; события отдельной реальности истолковывались в двух модальностях (они строятся индивидом и одновременно воспринимаются им психологически как естественные) [10; 14]. Понятно, что масштаб в данном случае задается другой: не целая жизнь человека, а значимый фрагмент, который, тем не менее, рассматривается как завершённое целое жизни. Стоит обратить внимание на то, что пока эти два масштаба и формы жизни между собой практически не связаны, хотя по смыслу должны быть соотнесены, ведь жизнь как целое вроде бы состоит из её отдельных законченных фрагментов. Перейдём теперь непосредственно к обсуждению памяти. Начнём с проблематизации.

Кажется, что ещё можно написать на столь проработанную, традиционную тему. Вроде бы о памяти известно всё. Написаны тысячи теоретических работ, выпущены практические пособия, рассказывающие, как правильно формировать или улучшить нашу память [5; 7; 16; 17; 21]. Тем не менее, я рискну обсудить природу памяти, имея в виду, что каждый ею обладает и располагает под рукой эмпирическим материалом, а также что периодически на те же самые проблемы мы можем и должны взглянуть по-новому. Но прежде замечу, что не всё так уж ясно с объяснением природы памяти. До сих пор ещё в литературе можно встретить

утверждения, что память – это функция мозга, заключающаяся в способности мозга сохранять следы внешних или внутренних воздействий. Однако при таком понимании трудно объяснить действие долговременной памяти или вполне установленный факт, что главное в работе памяти – это организация и осмысленная интерпретация нового материала, а также установление как можно большего количества связей между запоминаемым материалом и тем, что нам известно. Невозможно при таком понимании объяснить и роль различных мнемотехник или, например, ясное припоминание событий, вообще не имевших место (так называемая «парамнезия»).

На какие вопросы должно ответить современное антропологическое учение о памяти? Они достаточно известны, и всё же я их повторю, хотя бы для себя. Первый: как объяснить, почему в одних случаях человек запоминает нечто, а в других – нет? Одно и то же на первый взгляд событие мы помним или забываем. Но возможно, эти события разные? Тогда в каком отношении?

Второй вопрос касается научного объяснения факта запоминания больших объёмов информации (сведений). Спрашивается, каким образом человек может всё это запомнить, если в кратковременной (оперативной) памяти может храниться лишь ограниченное количество информации – не более 7–9 единиц материала? Возможно, тогда память – это не биологический феномен, а психологический, деятельностный, семиотический, ведь недаром пишут, что успешный поиск в памяти информации возможен только при условии высокой степени её организации, причём на многих уровнях.

Третий вопрос – как освободиться от материала, подлежащего забыванию? Дело в том, что если память истолковывать, как это принято в психологической литературе, а именно как процессы фиксации (запоминания) хранения и восстановления прошлого опыта, то в этом случае наша психика должна была бы заниматься только одним – обслуживать память, да и то непонятно, как бы она работала. При указанной трактовке устройство психики должно напоминать компьютер, обладающий практически бесконечным объёмом памяти, что немислимо. Но и без теоретических рассуждений каждый знает по себе, что зацикливание на ненужной в данный момент, но важной для других ситуаций информации полностью парализует нашу деятельность. С одной стороны, мы должны немедленно освободиться от текущего материала и переживаний, с другой – сохранять эту информацию до лучших времен, когда она понадобится. Если это хранение – просто складирование информации, то спрашивается, какой величины «склад» для этого необходим?

Четвёртый вопрос стоит в практической плоскости – как формировать или улучшать память, например, кто прав: те исследователи, которые говорят, что главное здесь тренировка (заучивание стихов и про-

чее), или другие, утверждающие, что память тренировке не поддаётся вообще? В плане традиционного объяснения памяти невозможно оценить и различные мнемотехники (антропотехники).

Что меня ещё не удовлетворяет в существующих концепциях (теоретических моделях) памяти: в них даны различные характеристики типологии памяти («долговременная», «кратковременная», «сенсорная», «иконическая», разные виды «амнезии», «гипомнезия» – ослабление памяти, «гипермнезия» – обострение памяти, «парамнезия» – ложные воспоминания и др.), но практически отсутствуют теоретические объяснения этих типов и связей между ними, если таковые существуют. Не удовлетворяют меня и способы изучения памяти, основанные на убеждении, что последняя может быть понята и проанализирована как самостоятельный объект. Вряд ли память может быть рассмотрена как самостоятельное целое, скорее – это подсистема более сложной системы. Впрочем, в объяснении памяти, например, К. Юнгом как контролируемой волей и «эго-комплексом» или Ф. Крейком и Р. Локхартом (память является функцией переработки стимульной информации) этот недостаток преодолевается, но данные концепции меня не устраивают по другой причине: мои представления о психике и человеке существенно отличаются от концепций указанных авторов.

Чтобы продвинуться в интересующей проблематике памяти, рассмотрю сначала один пример. Предположим, мне сообщают, что через две недели во вторник в 18 часов в такой-то аудитории состоится мой доклад на семинаре в МГУ. Я эту информацию запоминаю. Но что это означает? На мой взгляд, следующее. Узнав о докладе, я вынужден уточнять свои планы. Чтобы подготовиться к докладу, мне нужно, по меньшей мере, полдня. Следовательно, один из дней, скажем, субботу, я отвожу для этой цели. Далее, мне нужно позвонить нескольким коллегам, заинтересованным в теме моего доклада, и я намечаю сделать эти звонки. Кроме того, во вторник присутственный день в Институте философии, но часам к 16–ти я обычно освобождаюсь. Однако, поскольку в этот день через два часа мне предстоит доклад, я не поеду домой, а планирую какие-то дополнительные дела в институте.

Теперь вопрос, нужно ли мне, проделав всю эту работу по уточнению своих планов на неделю, запоминать о том, что во вторник у меня доклад? Думаю, что нет. Я уже эту информацию, даже если бы и захотел, не смогу забыть. При этом я периодически вспоминаю, что у меня во вторник доклад.

Второй пример. Я должен отправить в редакцию письмо с подписанным соглашением на расторжение договора на книгу. Письмо не очень важное, и несущественно, когда оно прибудет в издательство, но сделать это всё равно надо. Я заклеиваю договор в конверт и решаю его бросить по пути на работу. Придя после работы домой, обнаруживаю, что забыл зайти на почту, чтобы опустить письмо. Тогда я решаю бро-

свить письмо по дороге в магазин, но опять забываю. Так происходит ещё два раза, пока, наконец, я решаю сначала специально пойти на почту, а уже затем делать свои остальные дела. Спрашивается, почему я четыре раза подряд забывал зайти на почту и бросить в ящик письмо? Может быть, потому, что мне не приходилось менять распорядок дел (ведь я хотел сделать это попутно), или потому, что не придавал отсылке письма большого значения (в отличие от доклада)?

Третий пример. Когда автор ещё учился в институте, аспирант, который вёл у нас занятия, как-то продемонстрировал нам возможность запоминания больших объёмов информации. При этом рассказывал, как он это делает. Один мнемотехнический приём я решил освоить. Речь идёт о быстром запоминании большого числа не связанных между собой, случайных слов. Например, мне предлагают быстро запомнить слова: заяц, бензол, дерево, велосипед, гроза и т. д., десятка так три, четыре, пять, а наш аспирант мог за раз запомнить более ста слов. Запоминаю я по его методике так. Выбираю какой-нибудь известный мне маршрут, например представляю, что выхожу из своей квартиры и иду в ближайший магазин. Вот я вышел из квартиры, первое слово – заяц. Ага, представляю себе, что у дверей лежит коврик для ног с изображением зайца. Спускаюсь по лестнице, второе слово – бензол. Что бы придумать? Скажем, на ступенях разлита какая-то жидкость со странным запахом – точно, это бензол. Вышел из подъезда, третье слово – дерево. Ну, это просто: прямо у подъезда нашего дома растёт красивое дерево. Иду вдоль дома, следующее слово – велосипед. Поднимаю голову и вижу соседа, возвращающегося домой на велосипеде. Перешёл улицу, двигаюсь вдоль следующего дома, пятое слов – гроза. Действительно, замечаю, что погромыхивает гром и надвигается гроза. И так далее и тому подобное. Оказывается, таким способом легко запомнить довольно много слов.

Что общего во всех этих трёх примерах? Запоминание или незапоминание явно зависит от характера моей деятельности, направленной на организацию не столько запоминаемого материала, сколько моей собственной жизнедеятельности. В первом случае я включил событие, которое мне нужно было запомнить, в структуру своей жизнедеятельности, что предполагало переорганизацию (перепрограммирование) её. В результате я смог освободить своё сознание и внимание для других процессов. Во втором случае я не изменял структуру своей жизнедеятельности, что в сочетании с низким значением для меня предстоящего события обусловило его забывание. Наконец, в третьем случае я выстроил новую программу (организацию) деятельности, где процесс припоминания слов был привязан к маршруту моего движения. Различие же этих примеров в том, что в первом и втором случае запоминание событий естественно встраивалось в процесс текущей жизнедеятельности, а в третьем случае – это была специальная, изолированная от других деятельностей задача на запоминание.

Напрашивается гипотеза: запоминание – это не фиксация, хранение и воспроизведение прошлого опыта, а процесс реорганизации, перепрограммирования жизнедеятельности, позволяющий, во-первых, освободить сознание и внимание человека, во-вторых, в нужный момент сконструировать события, которые человек побочно опознаёт как воспоминание. В этом смысле припоминание событий – не самый главный момент, более существенно создание такой организации деятельности, таких её сценариев и программ, которые позволяют человеку функционировать с учётом событий, подлежащих так называемому запоминанию. Но по сути, человек должен не «запомнить» (в смысле зафиксировать и хранить) событие, а перевести его в особый план организации своей деятельности и тем самым освободиться от него.

В теоретическом отношении высказанная гипотеза может быть осмыслена также в рамках развитого мной учения о психических реальностях [10; 14]. С точки зрения этого учения запоминание – это создание особой реальности, назовем ее «мнемонической». В мнемонической реальности события, подлежащие запоминанию, связаны или с текущими событиями человеческой жизнедеятельности, или со специальными событиями (самостоятельная задача на припоминание), причём такими, которые обусловлены запоминаемыми событиями, позволяя в нужный момент действительно припомнить их актуально.

От деятельной трактовки памяти перейдём к её пониманию с точки зрения личности. Будем рассматривать ряд кейсов.

Кейс первый.

В жизни мне приснилось, как и другим людям, много снов. Но запомнились на всю жизнь всего несколько (т. е. эти запоминания относятся к долговременной памяти), остальные быстро забылись. Приведу из них два.

Я служил в Восточной Германии, и нас, танкистов, готовили к атомной войне и марш-броску вплоть до Ламанша. В армии мне сны практически не снились, зато после в студенческие годы я собрал богатый урожай. Первые два года постоянно видел сон с одним и тем же сюжетом. Знаю, что начинается или уже началась атомная война. Почему-то нахожусь где-то вне дома, моя семья в другом месте. Я начинаю пробираться сквозь какие-то развалины к своим родным. Кругом ни души, всё белое. Знаю, что это от взрыва бомбы, местность заражена, страх лучевой болезни и смерти висит в воздухе.

К третьему или четвёртому курсу этот сон ушёл, и, кажется, зимой мне приснился другой сон такой красоты, что запомнился на всю жизнь. Снилось, что еду на лодке по небольшому вогнутому озеру. Гребу стоя, как индеец, одним веслом. Небо очень низкое, нависло над озером.

Собственно, это даже не небо, а гигантский светомузыкальный экран в виде небосвода. Звучит удивительная музыка, и ей в такт весь небосвод от горизонта до горизонта пульсирует полосами ярких красок радуги. В такт этой космической светомузыке бьётся моё сердце. Так и проснулся с сильным сердцебиением и ясным ощущением счастья. Почти три дня после этого я ходил в приподнятом настроении.

Почему, спрашивается, эти сны запомнились? Не потому ли, что они могли войти и реально вошли в сценарий моей жизни, составили её небольшой, но значимый фрагмент? Действительно, если речь идёт о первом сновидении, то стоит отметить: темы смерти и катастрофы очень волнуют современного человека: как человек неверующий я боюсь смерти, а катастрофы – постоянный фон нашей социальной жизни [18]. Хорошо помню, когда в пятом классе впервые пережил страх перед смертью. Однажды ночью я проснулся и ясно представил себе, что умру, все будут жить, а меня не будет. И сейчас помню, как сердце сжалось от страха, а к горлу подступила удушливая волна. Позднее я понял, что охватившее чувство была тоска. Страх и тоска – вот мои первые впечатления от смерти. Потом было много и других. Вспомнил также, что этому первому переживанию смерти предшествовало другое, о котором совершенно забыл.

Кажется, в третьем классе на перемене легковая машина сбила на улице моего соседа по парте, переехала ему живот. Я подбежал, когда мой друг ещё был жив, без сознания, он умирал. С ужасом я видел, как жизнь буквально покидает его тело, куда-то уходит, и по мере её истечения глаза мальчика закатываются, освобождая белое пространство яблока. Вспомнив этот случай, я заново пережил страх, который испытал тогда впервые при виде смерти, и заново сквозь этот страх всплыл неожиданный вопрос – куда уходит жизнь. Поверить, что жизнь кончается, превращается в «ничто», я не мог и тогда и теперь. Потом уже во взрослой жизни я много размышлял о природе смерти и даже написал на эту тему философский роман [13]. Моё сновидение, вероятно, открывало эту тему в сценарии моей жизни.

Второе сновидение я запомнил потому, что в этом сценарии большое место занимали музыка и живопись, это сновидение и открывало эту тему в моем сценарии.

Вероятно, по той же логике запоминаются на всю жизнь не только сновидения, но и впечатления сознательной жизни.

Кейс второй.

Окончив школу в Анапе, я вернулся в Москву. Сдавал экзамены в МИФИ, не зная, что поступление в этот вуз предполагает специальную подготовку, поэтому провалился и пошел работать на

завод слесарем. Готовился снова поступать в институт, писал стихи и романтические рассказы. Работал в три смены и однажды, направляясь ночью на работу, увидел чёрта. Вероятно, я переутомился, уже несколько дней не просыпался от полностью заведённого большого будильника, точнее, просыпался ровно через пять минут после звонка. В таком состоянии, ещё не совсем проснувшись, я пошёл в час ночи на работу. Было совершенно темно. Когда стал переходить линию электрички, то увидел, как от станции отошёл поезд. Его прожектора мощно разрезали темноту, и вдруг я обомлел. В свете фар электрички значительно быстрее, чем она двигалась, бежал чёрт. Он был огромный, метров 5–6, весь чёрный, с длинным хвостом. У меня от страха остановилось сердце, стоял как вкопанный. Чёрт добежал до ближайшего ажурного столба, на котором висели провода электропередачи, мгновенно вскарабкался по нему и пропал в темноте. Я до сих пор помню, что со мною творилось. Не верить своим глазам не мог, я видел чёрта так же отчётливо, как окружающую темноту или электричку. Также отчётливо я помню свой страх. И поверить в увиденное тоже не мог: чертей не существует, в бога я не верил никогда. Поступил, как теперь понимаю, весьма мудро. Точнее, поступил не я, вероятно, сработал механизм самосохранения: чтобы не «поехала крыша», я просто отложил в сторону до лучших времён всё, что со мною случилось. Я не стал объяснять, почему видел чёрта, но и не стал отрицать этот факт. Позднее, лет через тридцать, когда построил собственную теорию сновидения, мне стало понятно, что произошло той далёкой ночью.

Этот сон я запомнил не потому, что сильно испугался (я забыл много страшных снов), а потому, что не мог объяснить виденное. Желание понимания и объяснения, вероятно, всегда было со мной, начиная со школы. А здесь я реально увидел то, что не мог ни помыслить, ни понять. Вероятно, я начал внутреннюю работу, направленную на понимание этого случая. Эта работа и вошла в сценарий моей жизни. Не завершилась она и по сей день, последняя версия моей концепции сновидений была опубликована три года тому назад [12].

А вот запоминание и забывание вроде бы на одном материале.

Кейс третий.

Я сдал в своей жизни очень много экзаменов и, естественно, забыл почти всё, что заучивал не один день, за исключением двух случаев, когда я провалился (поступая в МИФИ и Калининский педагогический институт).

Почему хорошо запомнил эти два случая? А потому, что они вошли в сценарий моей жизни как значимые события: мне пришлось успокаивать себя, заново собираться, осмыслять свою жизнь, вырабатывать план дальнейших действий, учитывающий случившееся. Почему я забыл все свои многочисленные другие экзамены? Во-первых, они работали на решение моих ближайших задач (т. е. реализацию определённых реальностей), во-вторых, не вошли по понятным причинам в сценарий моей жизни.

Когда я готовился к экзаменам, то должен был запомнить, причём, как правило, на две-три недели, очень много вещей: конкретные знания, логику доказательств, план и форму ответа, отдельные темы, несколько связанных между собой тем и прочее. Все эти содержания брались мною не изолированно, а в рамках соответствующих реальностей. Запоминались, собственно, прежде всего структура этих реальностей и отношения между ними; во вторую очередь – их события. Поразительно, с какой скоростью потом всё это забывалось, за исключением, может быть, общего подхода и приёмов мышления. Последние как раз входили если и не в сценарий жизни, то во всяком случае в сценарии, которые работали за пределами экзаменационной сессии.

Логика опоры на реальности помогает понять и известный всем приём припоминания забытых вещей или слов. Чтобы вспомнить, куда мы их положили (например, очки или книгу), или как вспомнить нужное слово, мы начинаем припоминать и разворачивать события реальности, в которой эти вещи или слова фигурировали. Но почему, спрашивается, легче припомнить реальности, чем их отдельные события? Не потому ли, что реальности в отличие от отдельных вещей, слов и событий входят в сценарии нашей жизни, пусть не в сценарий жизни в целом, но больших её фрагментов (целостностей)? [23]. А дальше логика связей выводит нас на нужные забытые вещи или слова. Но всегда ли мы вспоминаем то, что было на самом деле?

Кейс четвёртый (мнимое припоминание).

Речь пойдёт о так называемых вещих снах; как объяснить, что некто увидел наяву (вспомнил) то, что до этого видел во сне? Дело в том, что обычно человек не просто воспринимает окружающий мир, он его осмысляет, интерпретирует, концептуализирует. Но иногда именно сновидения используются психикой в качестве схемы осмысления, интерпретации и концептуализации окружающего мира событий. В этих крайне редких случаях человек как бы узнает наяву то, что видел во сне. Эти сны «вещие» только в том смысле, что человек принимает свой внутренний мир сновидений за мир внешний, стоящий перед его глазами. Поясню свою мысль примером.

Молодой человек не может встретиться с любимой девушкой, это типичный случай блокировки его активности. При реализации соответствующей программы сонная психика выстраивает следующий сюжет (реальность): молодому человеку снится, что он встречается свою любимую в доме друзей, причём они ссорятся; во время ссоры девушка роняет на пол хрустальную вазу с цветами, которую она хотела переставить с пианино на стол. Запомнился сон молодому человеку лишь в общих чертах, смутно. Через несколько дней он встречается девушку в консерватории. Когда она преподносит цветы пианисту, молодой человек ясно вспоминает, что то же самое он уже видел во сне.

Но ведь на самом деле он видел нечто другое – была не консерватория, а квартира друзей, не концерт, а ссора и разбитая ваза. Однако здесь нет ничего удивительного. З. Фрейд прав, утверждая, что психика человека нередко фальсифицирует впечатления собственной памяти [20, с. 287–288]. Совпадения были – и важные: встреча с любимой девушкой, цветы, пианино, неприятные переживания (в одном случае из-за ссоры и разбитой вазы, в другом из-за ревности к пианисту). Психика услужливо трансформировала воспоминания (тем более что они были смутными), заменив дом друзей – на зал консерватории, ссору и разбитую вазу – на отношение девушки к пианисту. В результате он и вспомнил сцену, которую видел во сне несколько дней тому назад.

Так что припомнить можно и то, чего не было вообще. Особенно это характерно для наших детских воспоминаний. Что мы вообще вспоминаем из детства? Ведь личность ещё сложилась и не сложились разные реальности. У маленького ребёнка одна «прареальность», где не различаются события, относимые взрослыми к разным реальностям (например, ребёнок пытается взять нарисованное яблоко или шумит в месте, где шуметь нельзя). Поэтому, кстати, он практически ничего не запоминает. А запоминает лишь то, что выступает материалом для работы, которая может сделать вклад в его сценарий жизни.

Кейс пятый.

Хорошо помню два своих детских сна. Иду по длинному тёмному коридору и слышу за своей спиной лай собаки. Бегу от неё изо всех сил и прячусь в какой-то низкий шкаф. Другой сон обычный, который, как говорят, многим снится. Я стою на подоконнике дома и вдруг неожиданно срываюсь и падаю вниз. Сердце замирает, сжимается, но, не долетев до земли, я в холодном поту просыпаюсь в кровати.

Конечно, можно объяснить запоминание этих снов тем, что возникла физиологическая травма, вызванная страхом. Но возможно другое объяснение. Дело в том, что маленький ребёнок не мыслит и не ощущает себя отдельно от родителей, которые его защищают и помогают (феномен «прамы», по Л.С. Выготскому) [1]. А оба моих сновидения разрушали детскую картину мира: оказывается, родители могут исчезнуть и не помочь. Другими словами, я был вынужден скорректировать свою картину мира, введя в неё случай исчезновения родителей (это и вызвало жуткий страх). То есть опять запоминаются такие события, которые вписываются, конечно, не в сценарий жизни (его пока нет), но в картину мира индивида.

Кейс шестой (символическая амнезия).

Главный герой романа Джона Фаулза «Коллекционер» Фредерик Клегг из неблагополучной семьи, замкнулся в мире фантазий. Выиграв на тотализаторе крупную сумму, Фредерик получает возможность реализовать любые свои желания. Таким желанием для него становится заполучить понравившуюся ему незнакомую студентку Миранду Грей. Фредерик покупает стоявший на отшибе загородный дом, обустроивает в нём подвальную комнату, из которой без его помощи невозможно выбраться, затем, применив насилие, похищает Миранду и держит в этой комнате, надеясь склонить к тому, чтобы она полюбила и стала его женой. Он прекрасно понимает, что нарушил закон, но, во-первых, рассчитывает, что никто ничего не узнает, поскольку он всё продумал и предусмотрел, во-вторых, отстраняет от себя неприятные мысли, как будто их нет вообще (вариант «символической амнезии»). Миранда пытается убежать из своей тюрьмы, убить Фредерика, но у неё ничего не получается. Тогда она, пересилив отвращение, склоняет его к любви, исходя из аргумента, что «никто не может держать в заключении того, кто отдал ему себя». Но и из этого ничего не получается, поскольку у Фредерика совершенно другой образ любви, надуманный и книжный. Поступок Миранды убивает чувство Фредерика, он, не скрывая, начинает ненавидеть и третировать её. Когда Миранда заразилась от своего тюремщика гриппом, перешедшим в тяжёлое воспаление лёгких, Фредерик, чтобы всё не раскрылось, отказывается вызвать врача. Болезнь заканчивается трагично – Миранда умирает в мучениях. Немного попереживав, пофантазив и полностью себя реабилитировав, Фредерик тайно хоронит Миранду и тут же начинает думать о новой жертве [12].

Сначала Миранда для Фредерика просто большая прекрасная бабочка, которую нужно поймать, затем способ реализации мечты, потом благодарная тварь и уличная девка (вдребезги разрушила его мечту),

наконец, он не знал, как от неё отделаться, но помогла болезнь и смерть. Интересен и дискурс Фредерика: похищение и насилие выносятся за скобки, а дальше схема такая – другие бы сделали с вами, что захотели (изнасиловали, убили), а не делаю, поэтому вы должны быть мне благодарны и обязаны по гроб. То, что выносятся за скобки, как бы забывается, то есть налицо опять «символическая амнезия». Другой вариант дискурса: на самом деле Миранде со мной хорошо, чтобы она там ни говорила, а если она пытается убежать или недовольна, то просто не понимает своего счастья; в этом случае она сама виновата и наказание для неё является справедливой карой. Реальность Фредерика задаётся его личностью, и в этой реальности нет места человеку, любви, состраданию, пониманию, хотя наш герой постоянно говорит, что его никто не понимает.

Как можно объяснить феномен символической амнезии? С одной стороны, исследования показывают, что индивиды типа Фредерика прекрасно помнят о совершённом. С другой – это знание угрожает их сценарию жизни и поэтому убирается из сознания. Такой вот парадокс – и помнят и не помнят.

До сих пор я рассуждал о памяти как естественном феномене, а она – феномен искусственно-естественный. Уже в самой первой культуре (архаической) человек стал бороться с забыванием, а также расширил возможности запоминания. Каким образом? С помощью психотехнических и языковых средств: архаический человек изобрёл приём многократного повторения событий, которые он наблюдал и в которые был вовлечён. В культуре нового времени было изобретено много других техник запоминания и забывания (программирование событий, ведение дневников, фотографирование, запись на магнитных носителях и др.). За счёт этих изобретений память приобрела не только новые возможности, но и в определённой мере освободилась от антропологических ограничений, например стало возможным запоминать и вспоминать события, не входящие в сценарий жизни.

Кейс седьмой.

В Интернете интенсивно обсуждают личность Цветаевой, особенно в связи с её отношением к дочерям. Как известно, у Марины Ивановны были две дочери – старшая Аля, которую Цветаева любила, и младшая, нелюбимая Ирина.

«В голодные годы, – пишет Анна Кирьянова, – Марина сдала в Кунцевский приют своих дочерей. Кормить детей ей было тяжело: со службы она ушла, так как ей было скучно, неинтересно, бессмысленно переписывать глупые бумаги <...> Детей она сдала в приют, написав заявление, что это – чужие дети, которых она нашла под

дверью. Иначе при живой матери девочек в приют бы не взяли. Может быть, спасли бы им жизнь. В приюте старшая, Аля, тяжело заболела, а младшая, Ирина, умерла с голоду [4]. Именно этот эпизод особенно интенсивно обсуждается в Интернете. Мнения резко разделились. Одна точка зрения: Цветаева – дикий эгоист, занятая только своей поэзией, фактически убила Ирину и искалечила жизнь Ариадне. Другая точка зрения – нет, Марина Ивановна была ненормальной, отсюда и эгоизм и всё остальное. Третья точка зрения – нельзя её особенно осуждать: какое время, какой поэт, а гении нам неподсудны. Приведу относящийся к этому периоду фрагмент из дневников самой Цветаевой.

Из дневника Цветаевой, «Записная книжка» 1919–1920:

«Между кроватями мотается Ирина. Даю Але сахар. Взрыв кашля, Аля с расширенными от страха глазами молча протягивает мне вынутый изо рта сахар: в крови. Сахар и кровь! Содрогаюсь.

– “Это ничего, Алечка, это от кашля такие жилки лопаются”.

Несмотря на жар, жадно ест.

– “А что ж Вы маленькую-то не угостите?” Делаю вид, что не слышу. – Господи! – Отнимать у Али! – Почему Аля заболела, а не Ирина?!!

Выхожу на лестницу курить. Разговариваю с детьми. Какая-то девочка: – “Это Ваша дочка?” – “Родная”.

В узком простенке между лестницей и стеной – Ирина в злобе колотится головой об пол.

– “Дети, не дразните её, оставьте, я уже решила не обращать на неё внимания, скорей перестанет”, говорит заведующая – Настасья Сергеевна.

– “Ирина!!!” – окликаю я. Ирина послушно встает. Через секунду вижу её над лестницей. – “Ирина, уходи отсюда, упадёшь!” – кричу я. – “Не падала, не падала, и упадёт?” – говорит какая-то девочка.

– “Да, вот именно”, говорю я протяжно – спокойно и злобно – “не падала, не падала – и упадёт. Это всегда так”».

Несколько месяцев после смерти Ирины:

«Гляжу иногда на Ирину картушку. Круглое (тогда!) личико в золотых кудрях, огромный мудрый лоб, глубокие — а <может> б<ыть> пустые — тёмные глаза – *des yeux perdus* {потерянные глаза (фр.).} – прелестный яркий рот — круглый расплющенный нос – что-то негритянское в строении лица – белый негр. Ирина! – Я теперь мало думаю о ней, я никогда не любила её в настоящем, всегда

в мечте – любила я её, когда приезжала к Лиле и видела её толстой и здоровой, любила её этой осенью, когда Надя (няня) привезла её из деревни, любовалась её чудесными волосами. Но острота новизны проходила, любовь остывала, меня раздражала её тупость (голова точно пробкой заткнута!), её грязь, её жадность, я как-то не верила, что она вырастет – хотя совсем не думала о её смерти – просто, это было существо без будущего. – Может быть – с гениальным будущим? Ирина никогда не была для меня реальностью, я её не знала, не понимала. А теперь вспоминаю её стыдливую – смущённую такую – редкую такую! – улыбку <...>

Иринина смерть для меня так же ирреальна, как её жизнь. — Не знаю болезни, не видела её больной, не присутствовала при её смерти, не видела её мёртвой, не знаю, где её могила.

– Чудовищно? – Да, со стороны. Но Бог, Видящий моё сердце, знает, что я не от равнодушия не поехала тогда в приют проститься с ней, а от того, что НЕ МОГЛА. (К живой не приехала...)

Ирина! Если есть небо, ты на небе, пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумеющую перебороть неприязнь к твоей тёмной непонятной сущности. — Зачем ты пришла? – Голодать – «Ай дуду»... ходить по кровати, трясти решётку, качаться, слушать окрики <...>

Иринина смерть ужасна тем, что она – чистойшей случайностью. Если от голода – немножко хлеба! если от малярии – немножко хины – ах! – НЕМНОЖКО ЛЮБВИ, <не дописано>. История Ирининой жизни и смерти: на одного маленького ребёнка в мире не хватило любви» [25].

Как мы видим, дневник (если, конечно, Цветаева его перечитывала) позволил её автору запомнить и вспомнить события и детали, которые она хотела бы, вероятно, забыть навсегда. Обобщая, можно утверждать, что изобретение средств, расширяющих возможности памяти, позволяет говорить о «социальном теле» памяти. Это прежде всего разные языки и психотехники запоминания и забывания событий [2]. Приведённый кейс позволяет понять ещё один момент. Дневниковые записи сделали возможным подключиться к памяти Цветаевой другим индивидам (читателям опубликованных дневников, посетителям Интернета). На этой основе складывается ещё один вид памяти – «социальная память» [9]. Её субъектом является уже не отдельный индивид, а социальные сообщества и коллективы.

Стоит, конечно, заметить, что обогащение возможностей памяти за счёт изобретения семиотических и психотехнических техник влечёт за собой трансформацию памяти и по содержанию. Дело в том, что для того, например, чтобы записать в дневнике случившееся или что-то сфотографировать «на память», эти события нужно структурировать,

придать им форму, отвечающую этим средствам. Но, думаю, никак иначе запомнить или потом вспомнить невозможно в человеческом смысле этих слов.

Остановимся на этом моменте подробнее. Здесь нужно ответить на два принципиальных вопроса: что собой представляет запоминание на основе языка (знаков, схем) и психотехники, а также какие условия для запоминания создают психические реальности и личность. Вернёмся ещё раз кейсу Цветаевой. Предположим, что она вытеснила из своего сознания (т. е. в значительной степени забыла) случай с Ириной, где её поведение, даже с точки зрения самой Цветаевой, было, мягко сказать, странным, непростительным, греховным; и вот великая поэтесса через много лет перечитывает свой дневник. Перечитывает, т. е., реализуя свои языковые и психотехнические способности, погружается в реальность, события которой по дневниковому жанру относятся к её прошлой, в значительной мере забытой жизни. Спрашивается, это те самые события, которые она пережила много лет тому назад? Вряд ли, это события лишь напоминают её прошлые поступки и переживания. Напоминают и похожи потому, что Цветаева старалась правдиво и объективно (можно сказать, безжалостно) описать то, что с ней происходило (а как часто мы описываем происходящее очень пристрастно!). И всё же только похожи, а не те самые. Другими словами, мы припоминаем и одновременно проживаем события, заданные языком и психотехникой, которые могут быть похожи на события прошлого или существенно от них отличаться. Однако и то и другое воспринимается и сознаётся индивидом как припоминание того, что было (в данном конкретном случае этого требовал жанр дневника).

Но вот возможности построения событий (если сравнивать эти возможности с теми, которые были задействованы в воспроизводимой реальности) за счёт языка и психотехники расширяются бесконечно. Если я могу в настоящее время с помощью Интернета читать книги из Лондонской библиотеки, то моя память оказывается структурирована, расширена и оснащена за счёт компьютерной техники, знания иностранных языков, моих психотехнических способностей. Как это можно понять? Преодолев вроде бы очевидное и непосредственное убеждение, что основа памяти – биологическая реальность. Да, исходный субстрат памяти и других биологических способностей – биологические структуры, но они у человека преобразены именно на основе языка и психотехники. Это я показал на примере визуальных способностей [10]. Для Бергсона, отмечает А.П. Огурцов, возникает трудная проблема – как сохраняются воспоминания. Бергсон «... выступает против трактовки мозга как органа, сохраняющего воспоминания... он делает акцент не просто на забвении как стирании следов, а на забвении того ресурса, которым обладает личность... Тогда забвение обретает гораздо более широкий и глубокий смысл – “уклонение от бдительного контроля сознания”» [8, с. 210–212].

Теперь ответ на второй вопрос. Реальности современного человек и его личность складываются не сами собой, а именно с использованием знаков и схем. Поясню это важное положение для случая художественной реальности. Выше уже отмечалось, что у маленьких детей нет чёткой дифференциации сознания и жизнедеятельности на отдельные реальности, у них, так сказать, всего одна прареальность, где переплетаются и ценностно не различаются факты практической жизни, игры, сновидений, фантазии, рассказы взрослых, картины и т. п. В раннем детстве звуки, краски, моторные и пластические движения, рисунки, любой материал искусства воспринимаются точно так же, как люди, животные, вещи. Ситуация принципиально меняется в дальнейшем, когда в ходе воспитания и обучения взрослый соотносит для ребёнка, связывает семиотические материалы искусства (слова, звуки, краски, движения) с определёнными предметами и неотделимыми от них состояниями внутренней жизни (образами, чувствами, переживаниями, которые направлены на эти предметы, вызваны ими). В конечном счёте и ребёнок начинает соотносить, связывать организованный материал произведений искусства с другими предметами. При этом в его сознании вырабатывается специфическая для искусства двойственная установка (хотя звучание только звучание, но оно вызывает печаль или радость, хотя рисунок только след грифеля, слова только звуки, но это и человек, и животное, и небо, и солнце).

Знакомясь с произведением искусства, читатель не только узнаёт и понимает текст этого произведения, вникая в интонационные и фонетические связи, ритм, метр, синтаксис, смыслы, темы, драматургию, но воссоздаёт, творит полноценный мир (предметы, события). Художественное отношение к произведению позволяет войти в этот мир, почувствовать его реальность, полноценно жить в нём и одновременно понимать его условность, искусственность, сделанность, причём это понимание не только не разрушает художественную реальность, но, наоборот, укрепляет её, превращая условность художественных средств и языка в закономерность и порядок вещей и отношений художественного мира.

Появление в сознании подобного отношения (установки) означает, что жизненные процессы личности, события и состояния её внутренней жизни, разворачивающиеся с опорой на определённый материал (на одни предметы), опредмечиваются теперь в другом материале – материале произведений искусства. Образы, чувства, переживания как бы отделяются от «родственных» им предметов и вызываются теперь не только ими, но и произведениями искусства.

Судя по исследованиям специалистов, опредмечивание активности и переживаний человека (а также фиксирующих их структур сознания – смыслов, образов, представлений) в новых знаковых материалах и в схемах – один из основных механизмов формирования психики и сознания человека. Любая группа предметов и событий, фигурирующих

в его сознании, может быть обособлена от остальных и при определённых условиях выражена в знаковом материале и схеме. В результате эти предметы и события как бы отделяются от своей исходной материальной основы и в качестве смысловых (образных) целостностей входят в новый знаковый материал, образуя новую «предметность». Именно на основе этой предметности, её жизни (при сопоставлении её со старыми предметами) и формируется новая реальность.

Таким образом, реальность – это склейка нескольких (минимум двух) групп предметов, возникшая в ходе означения или схематизации. Всякая реальность, следовательно, представляет собой сложную знаковую систему или схемы, получившие в сознании статус самостоятельного бытия. С психологической же точки зрения реальность формируется благодаря способности объективации. Её механизм я рассмотрел в учении о сновидении: на одном и том же материале субстрат-событий происходит реализация двух разных программ (источник одной – предмет, а другой – замещающий его знак или его схема). Осознаётся же этот процесс как становление нового объекта (реальности).

Психические реальности, как отмечалось выше, начинают формироваться только с принятием младшим школьником требований к самостоятельному поведению и реальной необходимости в таком поведении в школьной и внешкольной жизни. Если раньше родитель и взрослый подсказывали ребёнку, что делать в новой для него или необычной ситуации, как себя вести, что можно хотеть, а что нельзя, поддерживали ребёнка в трудные моменты жизни, управляли им, то с появлением требований к самостоятельности ребёнок (обычно подросток) должен сам себе подсказывать, разрешать или запрещать, поддерживать себя, направлять и т. п. Необходимое условие выработки самостоятельного поведения – обнаружение, открытие подростком своего Я, оно неотделимо от формирования им «образа себя», приписывание Я определённых качеств: я такой-то, я жил, буду жить, я видел себя во сне и т. д. По сути, Я человека парадоксально: это тот, кто советует, направляет, управляет, поддерживает, и тот, кому адресованы эти советы, управляющие воздействия, поддержка. Хотя содержание «образа себя», как правило, берётся со стороны, при заимствовании внешних образцов, подростком оно рассматривается как присущее ему, как его способности, характер, потребности. Я и формирующаяся на его основе личность – это собственно такой тип организации и поведения человека, в котором ведущую роль приобретают «образы себя» и действия с ними: уподобление и регулирование естественного поведения со стороны «образов себя» – сознательное, волевое и целевое поведение; отождествление ранее построенных «образов себя» с теми, которые действуют в настоящее время – воспоминание о прошлой жизни, поддержка «образов себя» – реализация и самоактуализация и т. п. Сам подросток обычно не осознаёт искусственно-семиотический план

своего поведения, для него все эти действия с «образом себя» переживаются как естественные, природные состояния, как события, которые он претерпевает.

Другое необходимое условие самостоятельного поведения – собственно формирование психических реальностей. Действительно, выработка самостоятельного поведения предполагает планирование и предвосхищение будущих действий и переживаний, смену одних способов деятельности и форм поведения на другие, причём подросток сам должен это сделать. Подобные планы и предвосхищения, смены и переключения сознания и поведения первоначально подсказываются и идут со стороны, от взрослого (здесь ещё нет самостоятельного поведения). Но постепенно подросток сам обучается строить эти планы, предвосхищать будущие события и их логику, изменять в определённых ситуациях свои действия и поведение. Именно с этого периода, когда подобные планы, предвосхищения и переключения становятся необходимыми условиями самостоятельного поведения, рассматриваются и осознаются человеком именно как разные условия, в которых он действует, живёт, эти планы будущей деятельности, знание её логики, предвосхищения событий, способы переключения и другие образования превращаются в психические реальности.

Таким образом, психические реальности личности – это не только цепи событий, определяющих деятельность и её логику, но также внешние и внутренние условия самостоятельного поведения. Подчёркнём, открытие, формирование Я человека и формирование психических реальностей – две стороны одной монеты. По мере усложнения дифференциации реальностей человека обогащается и дифференцируется его Я и наоборот. Но функции их различны: психические реальности характеризуют тот освоенный поведением мир, где человек строит самостоятельное поведение, а его Я задаёт основные ориентиры и линии развёртывания этого поведения. Несколько упрощая, можно сказать, что психические реальности – это проекции самостоятельного поведения на внешний и внутренний мир, а Я – осмысление самостоятельного поведения в качестве субъекта [10; 14].

Так что же запоминает взрослый человек? Кажется, просто происходящие события. Но фактически, как я старался показать, он создаёт и осознаёт свои реальности и личность, которые и определяют семиотическое и психотехническое пространство и возможности запоминания и забывания современного человека.

Последняя тема – различие разных видов памяти. Часто память животных отождествляют с человеческой. Но вряд ли животные имеют память, похожую на нашу. С одной стороны, память животных строится на основе одних биологических начал (отдельно нужно обдумать случай памяти на основе химических сигналов), с другой – у животных нет личности и реальностей, характерных для человека. Можно сказать, на

противоположном полюсе расположена «техническая память», например компьютерная. Это не память в антропологическом понимании, а средство хранения информации, т. е. составляющая социального тела памяти.

Стоит коснуться и вопроса о том, можно ли считать одинаковыми память современного человека и человека прошлых эпох, а также память взрослого и ребёнка. Отвечу формально. Как я уже отмечал, личность в истории складывается не раньше античной культуры, а в онтогенезе не раньше подросткового возраста, когда мы посылаем детей в школу и требуем от них самостоятельности. Кроме того, в разных культурах техники запоминания и забывания очень различаются. Но если так, то приходится признать, что память людей в разные периоды их развития (фило- и онтогенеза) меняется, кроме того, она различна для взрослого и ребёнка, современного человека и человека предшествующих культур. Однако понятно, что это тема отдельного самостоятельного исследования.

Список литературы

1. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: СОЮЗ, 1997. 96 с.
2. *Геллерштейн С.Г.* Психотехника // Российские универсальные энциклопедии. (URL: <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/093/973.htm>).
3. *Гуревич П.С.* Философская антропология. М.: Омега-Л, 2010. 607 с.
4. *Кирьянова А.* Две души Марины Цветаевой // Официальный сайт Анны Кирьяновой (URL: <http://kiryanova.com/r11.html>).
5. *Месяц С.В.* Трактат Аристотеля «О памяти и припоминании» // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 158–160.
6. *Неретина С.С.* Точки на зрении. М.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. 360 с.
7. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
8. *Огурцов А.П.* От методологии истории к метафизике истории // Наука: от методологии к истории. М.: ИФ РАН, 2009. С. 168–234.
9. Память социальная // Социологический словарь. (URL: <http://enc-dic.com/sociology/Pamjat-Socialnaja-6588/>).
10. *Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. М.: КомКнига, 2006. 272 с.
11. *Розин В.М.* Личность и её изучение. М.: Едиториал УРСС, 2012. 232 с.
12. *Розин В.М.* Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ). М.: Голос, 2011. 397 с.
13. *Розин В.М.* Проникновение в мышление: история одного исследования Марка Вадимова. 2-е изд., стер. М.: КомКнига, 2005. 247 с.
14. *Розин В.М.* Психические реальности, способности и здоровье человека. М.: УРСС, 2001. 223 с.
15. *Розин В.М.* Феномен множественной личности: по материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». Изд. 4-е. М.: ЛЕ-НАНД, 2014. 195 с.

16. Роуз С. Устройство памяти от молекул к сознанию. М.: Мир, 1995. 384 с.
17. Соколов Е.Н. Механизмы памяти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 174 с.
18. Страх перед будущим в современном мире: теоретические аспекты (В. Шляпентох, С. Матвеева). Глава 5. Катастрофизм или страх перед будущим. (URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/Katastr/katastrofizm_katastrof_katastrofa.php).
19. Фаулз Д. Коллекционер. Волхв: романы / Пер. с англ. и примеч. И. Бес-
смертной, Б. Кузьминского. М.: АСТ: Пушк. б-ка, 2004. 950 с.
20. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство,
2007. 348 с.
22. Херманн Дуглас, Грюнберг Майкл. Язык памяти. М.: Эксмо, 2007. 245 с.
23. Что такое вещие сны. (URL: <http://tainy.net/17465-что-такое-вешние-сны.html>).
24. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Изд-во шк. культ. политики,
1995. 759 с.: ил.
25. Эпилог. (Обсуждение судьбы и личности М. Цветаевой) (URL: <http://wyradhe.livejournal.com/59035.html>).